

Научная статья

УДК 179

DOI 10.25295/2541-7517-2023-21-4-59-73

«Протокольная пытка» Алана Дершовица

Иван Иванович Дятлов

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия*

*Специализированный учебно-научный центр НГУ
Новосибирск, Россия*

i.diatlov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3436-0368>

Аннотация

В статье предпринимается попытка реконструировать аналитические дебаты вокруг вопроса о моральности использования пыток. Предлогом к возобновлению дискуссии стали трагические события 11 сентября 2001 г. Профессор права Алан Дершовиц инициировал дебаты об обоснованности применения пыток в экстраординарных условиях. Аргумент Дершовица состоит из нескольких ключевых положений: а) мы должны признать повсеместность использования пыток; б) мы должны ввести пытки в правовое поле. Идея Дершовица встретила как поддержку, так и критику со стороны многих профессиональных гуманитариев. Несмотря на огромный шквал критики, по многим параметрам аргументация Дершовица все еще остается одним из немногих способов вести содержательный спор в пользу применения пыток.

Ключевые слова

Алан Дершовиц, пытки, судебный ордер, тикающая бомба, терроризм, рутинизация, институционализация

Для цитирования

Дятлов И. И. «Протокольная пытка» Алана Дершовица // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 4. С. 59–73. DOI 10.25295/2541-7517-2023-21-4-59-73

Alan Dershowitz's "Protocol Torture"

Ivan I. Diatlov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

*Specialized Educational Scientific Center of Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

i.diatlov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3436-0368>

© Дятлов И. И., 2023

Abstract

The article attempts to reconstruct the analytical debates on the morality of torture. The tragic events of September 11, 2001 served as a pretext for renewing the discussion. Professor of law Alan Dershowitz initiated debates on the justification of torture in extraordinary circumstances. Dershowitz's argument consists of several key propositions: a) we must acknowledge the widespread use of torture; b) we should bring torture into the realm of law. Dershowitz's idea has met both support and criticism from various professional humanitarians. Despite the tremendous amount of criticism, Dershowitz's argumentation in many aspects still remains one of the few ways to engage in a substantive debate in favor of the use of torture.

Keywords

Alan Dershowitz, torture, warrant, ticking bomb, terrorism, routinization, institutionalization

For citation

Diatlov I. I. Alan Dershowitz's "Protocol Torture". *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no 4, p. 59–73. (in Russian) DOI 10.25295/2541-7517-2023-21-4-59-73

Возобновление дискуссии о моральности пыток в начале XXI века может показаться абсурдом и историческим анахронизмом¹. Однако предпосылки для такой странной реинкарнации, как оказалось, складывались постепенно на протяжении второй половины XX века. Не слишком углубляясь в анализ исторических предпосылок, следует лишь отметить фундаментальную значимость процессов глобализации. В условиях транснационализации экономики, политики и культуры, идентичность зачастую обеспечивает единственные «заземляющие» паттерны и фреймы в повседневной жизни. Однако «текущая современность» [Бауман, 2008] как будто бы ставит под вопрос и то небольшое, что люди считают важным и определяющим в своей жизни. Политическим же элитам как правило свойственно спекулировать на проблемах идентичности и культурной самобытности: элиты стремятся переводить на популярный язык сложные процессы, убеждая свое население в той или иной опасности. Хрупкий баланс между открытостью культуры, способностью к изменениям и уходом в традиционализм зависит от множества факторов. С появлением международного терроризма и религиозного фундаментализма соблюдать этот баланс как внутри своего сообщества, так и на уровне международных отношений стало еще сложнее.

Окончательно же этот хрупкий баланс был нарушен сентябрьскими событиями 2001 года – атакой на башни-близнецы. Помимо психологического шока внутри американского общества и последующих геополитических сдвигов в результате провозглашенной борьбы против террора у этого события обозначился еще один неочевидный итог. Можно смело утверждать, что возобновление дискуссии о пытках, как академического, так и публицистического формата, обязано событиям 11 сентября 2001 г.

Сразу же после произошедшей атаки на торговый центр в Нью-Йорке к тому времени уже известный юрист и профессор Гарварда Алан Дершовиц выпустил

¹ Пытки запрещены различными международно-правовыми актами: Женевской конвенцией об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года (*Geneva Convention Relative to the Treatment of Prisoners of War of 12 August 1949*); Международным пактом о гражданских и политических правах (*International Covenant on Civil and Political Rights*) (1966); Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (*International Convention Against Torture*) (1985). Не стоит и упоминать о многочисленных ратификациях международных конвенций и фактов имплементации запрета на пытки в национальные конституции и нормативные акты.

статью, в которой популярно, хотя и скупое, очертил границы своего аргумента [Dershowitz, 2002] ². И хотя статья была по преимуществу публицистической, она наделала много шума: споры о пытках на короткий промежуток времени стали актуальной повесткой американской нации.

Аргумент Дершовица

Если публичные выступления Дершовица на различных медийных площадках скорее были нацелены на среднестатистического человека перед экраном телевизора, то вышедшая вскоре книга «Почему терроризм работает» [Dershowitz, 2002] содержала уже достаточно стройную и разработанную аргументацию и явно была адресована в виде вызова противникам пыток из академического лагеря.

Опуская дополнительный контекст и лишние детали, основная аргументация известного юриста содержится в четвертой главе [Ibid, Ch. 4]. В своей книге он апеллирует к знаменитому мысленному эксперименту TBS (*ticking-bomb scenario*), лишь немного видоизменяя под актуальные события: представим, что незадолго до событий 11 сентября мы схватили нескольких террористов, которые участвовали в планировании воздушных атак. Неужели это не будет являться должным основанием для пыток террористов, лишь бы извлечь информацию и спасти сотни людей? Позицию Дершовица можно кратко суммировать в две важнейшие предпосылки.

Во-первых, существуют экстраординарные случаи, когда допрос с пристрастием является меньшим злом из существующих вариантов поведения легитимных властей. Например, в случае с тикающей бомбой. Если возможно оправдать пытки, то только в такой ситуации.

Почему пытка является в данном случае меньшим злом? Предпосылка Дершовица держится на смешанной позиции из утилитаристского морального размышления и американской правовой традиции, где есть смертная казнь. Дершовиц полагает, что физическая боль является меньшим злом, а главное таким типом ущерба, который обычно с течением времени минимизируется либо вовсе исчезает. Кроме того, если мы допускаем в нашей правоприменительной практике смертную казнь, которая по определению является окончательным прекращением жизни, то нет никаких затруднений допустить в нашу правовую практику «не смертельные пытки» (*nonlethal torture*). Соответственно, жизнь тысяч невинных граждан следует ценить выше, чем физическую неприкосновенность одного виновного индивида.

Во-вторых, американский теоретик полагает, что на практике в таких случаях (в случаях с тикающей бомбой) пытки используются, хотя и тщательно скрываются [Amnesty International, 1991] ³. Поэтому лучше отказаться от лицемерного притворства, что мы их не используем, и легализовать их применение.

² См.: «Dershowitz A. Want to torture? Get a warrant» (22 янв. 2002). URL: <https://www.sfgate.com/opinion/openforum/article/want-to-torture-get-a-warrant-2880547.php> (дата обращения: 25.09.2023).

³ См.: «Amnesty International. 1991. Israel and the Occupied Territories: The military justice system in the Occupied Territories: detention, interrogation and trial procedures» (1991). URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/mde15/034/1991/en/> (дата обращения: 25.09.2023).

Важно отметить, что Дершовиц не утверждает необходимость пыток как рутинизированных, повседневных практик. Его тезис ровно обратный: именно благодаря тому, что пытки повсеместно используются спецслужбами, их необходимо вывести из сферы теневого использования, обеспечив им строгое правовое регулирование. Таким образом мы сможем удостоверить процедурную справедливость пытки: наблюдение за корректным исполнением пытки, а также соответствие пытки важнейшим критериям, когда она допустима, а когда нет [Lauritzen, 2010, p. 94].

Дершовиц полагает, что процедура легализации (в данном случае пыток) сократит их использование до необходимого минимума и сведет к строгой системе выдачу ордеров на несмертельные пытки (например, стерильная игла под ногти). Необходимость правительственной санкции и соблюдение судебного порядка выдачи ордера сведут пытку лишь к ее функциональному предназначению – извлечению необходимой информации. Он также полагает, что публичная дискуссия, официальная отчетность и возможность критики данной практики безусловно работают на благо всех. В данном случае права подозреваемых защищаются и охраняются лучше, поскольку для того чтобы получить официальный ордер на несмертельные пытки, каждое дело должно будет пройти строгий фильтр на убедительные доказательства и содержательные аргументы. А значит, суды будут часто и отказывать в выдаче ордеров на пытки, тем самым защищая права, честь и достоинство подозреваемых.

В случае с тикающей бомбой политический лидер, который отдает приказ о пытках террориста, не должен считаться преступником, поскольку склонился к единственному правильному решению и меньшему злу. И хотя политик может испытывать моральное сожаление по поводу сложившихся обстоятельств, мы не будем считать его виновным. Если бы обстоятельства сложились иначе, нам не пришлось бы пытать человека. Но поскольку нам приходится взвешивать ценность жизней сотен людей и одного террориста, то мы отдадим предпочтение невинным гражданам. Мы не совершаем пытку в качестве ответной жестокости на деятельность террористов, нам нужна лишь информация. Чем быстрее «расколется» террорист, тем быстрее закончится процедура пытки. И это доказывает, что наши интенции лишены садизма; мы руководствуемся лишь политической целесообразностью.

Дершовиц также пытается провести и ценностный анализ в рамках проблемы с тикающей бомбой, стараясь выделить ключевые ценности, которые входят в противоречие друг с другом. С его точки зрения мы наблюдаем конфликт трех наборов ценностей:

- 1) ценность безопасности жителей государства и сохранности материально-го облика тех пространств, в которых данные жители проживают;
- 2) базовые конвенции и договоренности о правах человека (где, с одной стороны, нельзя пытать, а с другой стороны, мы обязаны спасти жизни людей);
- 3) ответственность национального лидера и элит перед своим населением (сюда же относятся демократическая открытость к критике и публичная отчетность за свои поступки).

Дершовиц полагает, что мы должны сохранить первый и третий набор ценностей, но пренебречь вторым, нарушив базовые права человека. И хотя он согласен с тем, что нарушения прав следует избегать и по возможности минимизировать, в критических обстоятельствах данные нарушения следует допустить. Анализируя позицию Дершовица и других сторонников пыток, Кристофер Финли [Finlay, 2011, p. 430] обратил внимание на то, что данные теоретики апеллируют к разделению между связками «причинить вред» (*harmed*) и «обойтись с кем-то неправильно / нечестно / несправедливо» (*wronged*). Разница достаточно существенная: если мы обращаемся с кем-то несправедливо, это означает, что мы нарушаем базовые критерии ретрибутивной справедливости (справедливости воздаяния), но если мы лишь причиняем вред, это может иметь и другие импликации. В данном случае утилитаристы и другие сторонники пыток обращаются к идее пытки как инструментальной ценности, посредством которой мы можем превентивно предотвратить грядущую несправедливость. Пытки не были бы оправданы, если бы террорист не обозначил текущую опасность, которая вот-вот наступит. Террорист сам вынудил правоохранительные органы и спецслужбы выбирать между двумя плохими сценариями. Поэтому террористу, безусловно, причинили вред (*harmed*), но с ним не обошлись несправедливо и неправильно (*wronged*).

Аргумент о введении «протокольной пытки» на некоторое время стал популярным и приобрел немалое влияние. Основные возражения и критические выпады как лично в сторону Дершовица, так и по отношению к утилитаристскому оправданию пыток можно свести в три раздела:

1) *эмпирические возражения* (или возражения от эмпирической реальности). В рамках данной ветки споров речь идет о том, что мысленный эксперимент с тикающей бомбой страдает различного рода эпистемическими изъянами, которые фальсифицируют саму возможность перехода с макроуровня (мысленный эксперимент) к прикладным ситуациям в реальной жизни (микроуровень);

2) *возражения по институционализации и рутинизации пыток*. Данные возражения концентрируются вокруг анализа последствий, с которыми мы столкнемся, будь пытка легализована и введена в правовое поле любого государства. В этом случае критики полагают, что последствия будут катастрофическими;

3) *процедурные возражения*. Данный слой критики посвящен анализу заявленных целей пытки и предполагаемых процедур. Исходя из данного анализа делается вывод о невозможности как соблюдения провозглашаемых превентивных целей пыток, так и соблюдения критериев, при которых мы можем удостоверить пытку как справедливую.

Эмпирические возражения

Часть теоретиков [Brecher, 2007, 2014; Finlay, 2011; Kleinig, 2007] полагают, что мысленный эксперимент с тикающей бомбой сталкивается с серьезными эпистемическими требованиями для того, чтобы оправдать пытки. Данные требования практически невозможно выполнить в условиях реальной жизни.

Во-первых, предполагается, что правоохранительные органы и службы безопасности знают, что пойманный подозреваемый обладает точной и достоверной

информацией о месте закладки бомбы. Однако это преувеличение, поскольку даже максимально приближенные эмпирические случаи включали в себя огромную неопределенность.

Во-вторых, предполагается, что мы точно знаем, сколько времени у нас есть до потенциального взрыва. И этого времени у нас ровно столько, чтобы применить пристрастный допрос, сопровождающийся пытками для извлечения информации. У нас нет времени на долгий судебный процесс. Но как мы можем знать точное количество отведенного нам времени?

В-третьих, если пытка применяется лишь для извлечения информации, а этой информацией обладает только террорист, то скорее всего любой террорист будет лгать, для того чтобы выиграть время. Поскольку декларируется, что пытка совершается не ради наказания, а ради информации, то палачи должны ее прекратить, пока проверяется информация (конечно же, неверная). В конечном итоге этот процесс будет повторяться ровно до того момента, пока бомба не взорвется.

Джон Клейниг приводит пять критериев, которым должны соответствовать реальные случаи, для того чтобы мы могли оправдать пытку по аналогии с «тикающей бомбой».

1. Мы точно знаем, что где-то заложена бомба, которая тикает и в скором времени взорвется.

2. Мы также полагаем, что вред от детонации взрывного устройства будет столь существенным, что это повлечет за собой увечья, боль и страдания людей. Взрыв будет буквально катастрофой.

3. У нас есть уверенность, что пойманный подозреваемый, которого мы собираемся пытать, обладает релевантной информацией.

4. Мы точно уверены, что человек расколется в результате пыток и выдаст нужную нам информацию.

5. Полученная информация позволит правоохранительным органам и спецслужбам демонтировать взрывное устройство и нивелировать угрозу [Kleinig, 2007, p. 217–218].

Все эти пункты в совокупности формируют чрезвычайную ситуацию (*supreme emergency*). Как отмечает Клейниг, фактически мы не можем быть уверены ни в одном пункте. Это подтвердят и сторонники сценария «тикающей бомбы». Даже если мы полагаем с некоторой уверенностью, что у нас есть достоверная информация по поводу первых двух условий, мы не можем быть уверены насчет всех остальных. Поэтому мы должны вести речь о большой вероятности и высоких рисках. Как иронично заметил философ Боб Брэчер (пересказывая одну из версий эксперимента), нам ничто не мешает вообразить себе случай с заложенной бомбой в какой-нибудь средней школе в типичном американском городке [Brecher, 2007, p. 17]. Но почему мы сразу должны кого-то пытать? Почему мы должны тратить целый час на допрос с пристрастием, к тому же с сомнительной вероятностью на успех? Почему бы просто не обзвонить все окрестные школы и в течение первого часа не обеспечить силами правопорядка должную эвакуацию учащихся?

Следует полагать, что данная критика не столь убедительна, как это стремятся показать сторонники возражения от эмпирических данных. И неубедительна по очень простой причине. Нет никакого смысла критиковать мысленный экспе-

римент за то, что он плохо соотносится с эмпирической реальностью. Мысленный эксперимент с тикающей бомбой – это своеобразный умозрительный инструмент для философов, посредством которого мы сталкиваем наши моральные интуиции и заставляем себя и коллег искать исчерпывающие ответы на крайне трудные вопросы [de Wijze., Beck S, 2015]. Можно критиковать связки или методологические импликация, которые мы выводим из мысленных экспериментов, отрабатывая на прикладных ситуациях, но целенаправленно критиковать мысленный эксперимент – это сражаться с ветряными мельницами.

Возражения по институционализации и рутинизации пыток

Данная критика нацелена на выявление слабых сторон спора о последствиях. Обычный нарратив сторонников пыток основывается на том, что мы легко можем вообразить себе экстраординарную ситуацию, в которой разрешение пыток явно предпочтительнее, чем попустительство ужасающим последствиям, которые наступят. Такие ситуации настолько редки, настолько исключительны, что мы можем позволить себе хотя бы один раз прибегнуть к пыткам. В свою очередь, противники полагают, что, если мы прибегнем к пыткам даже единожды, мы столкнемся с неотвратимыми последствиями для нашей правовой практики и социальной жизни.

Институционализация пыток. Институционализация какой-либо социальной практики подразумевает обеспечение правового регулирования, т.е. введения правовых норм. Важно также различать моральность практики как таковой и последствия ее легализации. Потому что легализация практики влечет к разным социальным последствиям. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что легализация проституции совершенно однозначно влияет на то, как люди в дальнейшем будут воспринимать сексуальные практики. Точно так же, как и законодательное запрещение проституции, поскольку теперь невозможно на законных основаниях получить сексуальные услуги.

Мы можем быть убеждены в том, что ассистирование в самоубийстве является моральной практикой, и в случае тяжелейших жизненных обстоятельств мы должны помочь нашему другу умереть. Однако мы можем быть также убеждены, что такую практику нельзя легализовать из-за ее последствий.

Боб Брэчер полагает [Brecher, 2007, p. 41–42], что любая законодательно отрегулированная практика влечет за собой повышение социальной терпимости к ней. Институционализированная практика – это практика, которая в целом социально одобряется, а значит социально приемлема. Это не означает, что все согласны с данной практикой и разделяют энтузиазм по поводу ее легального статуса. Однако если некоторая практика находится в правовом поле, все меньше людей подвергают сомнению такую практику с течением времени. В конечном итоге она приобретает специфический «опциональный» статус: хочешь – прибегай к ней и осуществляй, не хочешь – нет.

Примерно такая же история случилась и с практикой эвтаназии. Эвтаназия – это слишком сложная и важная практика, чтобы ее законодательно обойти или вовсе умолчать. В самых либеральных европейских странах эвтаназия лега-

лизована (в том числе и активная, предполагающая право врача на «милосердное убийство»). И хотя это не значит, что эвтаназия сразу оказалась беспроблемной с точки зрения моральной теории, но это, безусловно, повысило уровень толерантности к этой практике и ныне воспринимается как одно из возможных жизненных решений.

Легализованные пытки не исключение: если раньше они были неприемлемы и социально не одобрялись, то теперь являются возможной «опцией» в случае каких-либо экстремальных ситуаций, что обеспечит данной практике социально приемлемый статус. Аналогия Боба Брэчера хотя и грубая, но в целом передает основной смысл: мы столкнемся с тем, что противники пыток будут сродни противникам эвтаназии, которые через 30–40 лет будут восприниматься как маргиналы, которых пора выбросить за борт корабля истории.

Кроме того, институционализация какой-либо практики идет рука об руку с ее *профессионализацией*. Если демократический лидер собирается одобрить пытки хотя бы на разовой основе, ему необходимо сделать соответствующий звонок и перенаправить дело компетентному лицу, которое в свою очередь назначит палача. У палача нет врожденных способностей эффективно выбивать из людей нужную информацию. Для этого требуется соответствующий опыт, который приобретается долгим обучением, практикой и общей институциональной поддержкой. По-видимому, одобрение пыток имплицитно включает в себя поддержку более общей обеспечивающей институциональной основы профессионального силового воздействия и практик насилия.

Поскольку пытки институционализированы, а палачам обеспечивается профессиональная подготовка, все это повышает вероятность того, что наравне с подразделениями саперов в рамках силовых структур мы увидим и отдельные подразделения, специализирующиеся на пытках. На наших глазах и при нашей жизни появится профессия палача наравне с профессиями врача и учителя.

Но каждая профессия имеет свою институциональную динамику и тренды развития. Как правило, складывается профессиональное сообщество с крепкой идентичностью, которое защищает своих членов (включая профсоюзы, пособие по безработице и больничные листы). Но существование «профессии» палача, как и любой другой профессиональной деятельности, зависит от того, на постоянной ли, статичной ли основе оказываются профессиональные услуги. Это означает, что данное сообщество будет стремиться поддерживать риторику безопасности, чаще квалифицировать неопасные случаи как «экстремальные» и убеждать население в необходимости частотных пыток.

Институционализация и профессионализация пыток имеет и другой косвенный аспект: она нуждается в медицинском персонале. Легальная процедура пытки должна не только документироваться специальными секретарями, но и соответствовать строгому медицинскому протоколу, поскольку пытка не должна быть смертельной и причинять излишние страдания. Однако ассистирование в пытках, экспериментах над людьми и в любых бесчеловечных практиках находится как под прямым запретом сообщества врачей, так и противоречит таким практикам на уровне профессиональных ценностей. Одно дело, когда врачи занимаются реабилитацией жертв насилия, но совсем другое – разрабатывать протокол

несмертельной пытки сообразно усредненным показателям здоровья подозреваемого. С одной стороны, пытка не должна привести к серьезным дисфункциям и смерти, но, с другой стороны, ее должно быть достаточно, чтобы причинять мучения и боль. Как язвительно замечает по этому поводу Боб Брэчер [Brecher, 2007, p. 70–72], как мы будем себя чувствовать, если придем на прием к хирургу или анестезиологу, который буквально вчера ассистировал пыткам?

Рутинизация пыток. Критика пытки как рутинизированной практики рассматривает последствия, при которых пытки применяют на постоянной основе или по крайней мере пытка является одной из инструментальных опций для силовых ведомств. Если критика институционализации пыток выдвигает опасения по поводу нормализации данной практики (включая как общий уровень терпимости, так и профессионализацию палачей), то критика от рутинизации концентрируется исключительно на дальнейших последствиях от применения пыток.

Во-первых, оппоненты в первую очередь опираются на аргумент скользкой дорожки (*slippery slope*). Нельзя применять пытку даже единожды в качестве исключительной меры. Если исключение сделано хотя бы один раз, у нас не может быть уверенности, что это не превратится в оправдывающий прецедент на будущее. Нам будет очень тяжело поддерживать предыдущую линию законодательного поведения, с которой будут конкурировать сторонники чрезвычайных мер, ведь соответствующий паттерн поведения мы уже заложили в фундамент нашей политической и законодательной практики. Кроме того, мы с неизбежностью столкнемся и с международными последствиями этого поступка. Создавая принципиальные исключения для демократических государств, любые недемократические режимы будут иметь легитимные обоснования своим авторитарным и негуманистическим практикам.

Во-вторых, рутинизация пытки делает абсурдной самую идею пытки как чрезвычайного средства в экстраординарных обстоятельствах (*last resort*). Более ничто не препятствует поставить пытку на конвейерный поток и массово выдавать ордера на пытки. Джон Клейниг полагает, что рутинизированная пытка легко эксплуатируется ради политических целей и сиюминутных выгод для элит. В качестве поддержки своего тезиса он приводит статистику использования ордеров FISA (*Акт о негласном наблюдении в целях внешней разведки, Foreign Intelligence Surveillance Act*), где мы видим увеличение как количества запросов на слежку, так и неизменное одобрение почти всех запросов (например, в 2004 году из 1758 запросов было выдано 1754 судебных ордера). Клейниг полагает, что это отчетливо демонстрирует тот политико-правовой паттерн, ту колею, в которую имеет все перспективы попасть рутинизированная практика пыток [Kleinig, 2007, p. 221–222].

В-третьих, оппоненты полагают, что постоянно применяемые пытки станут причиной эскалации насилия. Поскольку основной массив аргументов о пытках построен на утилитарных основаниях, то мы можем снять большинство ограничений на те меры, которые мы применяем. В деле борьбы с терроризмом все средства хороши. Мы легко можем представить себе ситуацию, в которой потенциальный террорист слишком долго не раскалывается. Единственная оставшаяся альтернатива добыть информацию – пытать его малолетнюю дочь, вид мучений

которой с большой вероятностью разговорит террориста. Противники пыток полагают, что таким способом мы не уменьшим количество террористов, но лишь их озлобим, укрепим их идентичность и жертвенную готовность бороться против беспринципного и жестокого государства [Brecher, 2007, p. 67].

Кроме того, широкомасштабная практика пыток, как уже было отмечено, будет иметь логику распространения и на другие сферы преступлений. Поскольку пытка оправдывается в случае, если она приносит лучшие и скорейшие результаты, мы станем пытаться и похитителей детей (*kidnappers*). Если ребенок находится в каком-то закрытом пространстве с недостатком кислорода, у нас нет времени на убеждение похитителя и длительные поиски. Мы будем его пытаться. С одной стороны, оппоненты пыток предрекают удушливую атмосферу «рутинизированного равнодушия» по отношению к пыткам, а с другой стороны, тотальный ужас перед широким и публичным распространением пыток.

Следует отметить убедительность общего методологического обзора по поводу институционализации какой-либо практики и ее тенденций к формированию своего профессионального сообщества. Однако большинство опасений по поводу рутинизации пыток выглядят необоснованными. Именно здесь усиленный упор на здравый смысл от эмпирической реальности оборачивается против самих критиков. Тот факт, что оппоненты пыток прибегают к аналогиям с уже существующими и урегулированными законом моральными практиками само по себе хорошо и иллюстративно, однако обнажает и обратную сторону дилеммы. Когда-то аргументы «скользкой дорожки» (*slippery slope*) или социальной анархии (все начнут прибегать к эвтаназии) были весьма популярны и теоретически привлекательны. Однако у нас уже есть апробированные практики эвтаназии, легальной торговли секс-услугами, продажи легких наркотиков. Мы не видим не только никакого социального коллапса, но и даже намеков на «скользкую дорожку». Нам ничто не мешает предположить и в случае пыток аргумент исторической апробации (хотя автор этих строк и противник такой меры): давайте попробуем на ближайшие 10–15 лет ввести в правовое поле пытку и посмотрим, как видоизменятся (и главное – в какую сторону) наши актуальные правоприменительные практики.

Процедурные возражения

Как уже обозначалось выше, процедурные возражения фокусируются на том, что задекларированные цели пытки никогда не будут соблюдаться, точно так же как не будут выполняться важнейшие критерии, при соблюдении которых мы могли бы квалифицировать процедуру пытки как справедливую (или относительно справедливую).

Обычная риторика оправдания пыток основывается на том, что в наших руках находится индивид (террорист), который заложил со злым умыслом бомбу, взрыв от которой принесет множество страданий и разрушений. Мы провозглашаем, что пытка в данном случае допустима, поскольку она преследует лишь извлечение информации. Именно данной интенцией мы удостоверяем справедливое процедурное предназначение пытки. Выдача релевантной информации является исчерпывающим основанием окончить пытку. Перед процедурой пытки

палач озвучивает свои требования, цели пытки, и жертва способна быстро окончить пытки. В интересах жертвы быстрее сознаться, пойти на сотрудничество и быстрее прекратить физическую боль.

Дэвид Лубан [Luban, 2005] выделяет пять возможных целей предпринимаемых пыток:

- 1) садистское удовольствие победителя (насилника) над побежденным (жертвой);
- 2) пытка как практика устрашения, которая должна привести к подчинению жертвы или безусловной лояльности;
- 3) наказание за виновное деяние (либо же за какой угодно содеянный поступок);
- 4) пытка, которая предпринимается для того, чтобы добиться признания вины или участия в деятельности / активности X;
- 5) сугубо инструментальная добыча информации.

Генри Шу [Shue, 1978] также сомневается, что у нас есть какие-либо достоверные основания убедиться в том, что будут соблюдаться задекларированные цели пытки. Мы видим, как пытки повсеместно используются для устрашения политических активистов, как пытают журналистов за предпринятые расследования, либо для того чтобы прекратить свободный поиск и обмен информацией.

Даже если мы провозглашаем, что данная конкретная пытка осуществляется только с целью извлечения информации, это не облегчает наше положение. У нас нет никаких надежных критериев провести качественную границу между осуществлением садистских наклонностей палача от «хирургической процедуры» под присмотром квалифицированного медицинского персонала. Нам предлагают лишь один сомнительный критерий – получение релевантной информации. Но процесс от начала пытки до ее окончания (получения в каком-либо виде соответствующей информации) может проходить как угодно. Выбивать информацию и заставлять раскалываться можно и с особым сладострастием посредством техник устрашения (например, при помощи демонстрации сверкающих пыточных инструментов). Как заметил Джереми Уолдрон [Waldron, 2005, p. 1717], в случае с пытками мотивам людей ни в коем случае нельзя доверять, потому что в действительности метафизическая цель пытки – сломить волю жертвы к сопротивлению и уже только затем добиться необходимой информации (или признаний).

Таким образом, есть серьезные сомнения по поводу соблюдения самых важных критериев: начиная от декларируемых интенций политики пыток, заканчивая просто осведомленностью и информированностью населения о том, во имя чего совершается пытка (а также где она совершается, над кем и когда закончится).

Удручает в случае пыток и акторный анализ. Если мы попытаемся выделить типовые категории населения, которые могут стать потенциальными подозреваемыми и к которым может быть применена пытка, то начнем еще больше сомневаться в том, что в случае с пытками возможно соблюдение процедурной справедливости. Мы можем подразделить потенциальных жертв пытки на три категории.

1. Готовый к сотрудничеству / сделке (*the ready collaborator*). Даже если мы полагаем, что есть посвященный в террористическую деятельность индивид, он посвящен ей не настолько, чтобы принять пытки. Следовательно, такой актер

предаст интересы любой группы и организации, поскольку посчитает для себя такой поступок единственным способом избежать ужасных пыток.

2. Случайный прохожий (*innocent bystander*). Предположим, что в руках спецслужб оказался невинный человек, который в силу обстоятельств стал обладателем необходимой информации. К такому актору даже не нужно применять угрозу пыток, он с готовностью сам поделится информацией и подробно расскажет. Но что если человек просто не обладает необходимой информацией? Тогда он скажет все что угодно, лишь бы прекратить мучения. В таком случае информация обесценена по определению.

3. Убежденный, заклятый враг (*dedicated enemy*). В данном случае пытка является той ценой, которую готов заплатить человек, вышедший на тропу войны либо со своим собственным, либо с другим государством. Очевидно, он проходил долгую выучку, учился терпеть физические истязания. В этом случае раскрытие информации – предательство самых высоких идеалов преданности организации и этического кодекса стойкого, непримиримого бойца.

Здесь, безусловно, остается пространство для дебатов, поскольку можно возразить, что есть и такая категория людей, которая верит в свои высокие идеалы приверженности общему делу, но на практике при осуществлении допроса с пристрастием «расколется». Такое возражение следует признать весомым. Однако если его поместить в контекст, то необходимо также отметить пренебрежимо малое число таких людей, которые были бесстрашны и бесконечно уверены в своей стойкости, но затем сломались.

Подводя общий итог всей критике предполагаемой практики пыток, можно аккуратно и предварительно заключить, что пытка не будет работать. Пытку намереваются институционализировать и рутинизировать исходя из предпосылки, что это эффективный и работающий инструмент в чрезвычайных ситуациях. Однако она не будет работать так, как декларируют сторонники по ряду причин.

1. Велика вероятность того, что пытка станет средством устрашения и полицейской дубиной в руках силовых ведомств (ордера на пытки будут массово выдаваться, что нивелирует по определению пытку как «крайнее, последнее средство»).

2. Критерии процедурной справедливости в случае пыток не будут соблюдаться, поскольку у нас нет никаких надежных инструментов, которые удостоверили бы отсутствие садизма, излишней жестокости и прессинга со стороны палача.

3. Пытка не будет выполнять свою задекларированную цель (колеблющиеся и так сознаются, преданные и фанатичные вряд ли расколются; невинные либо наговорят пустой болтовни, либо вовсе безвинно претерпят ужасные страдания).

4. Пытка не снизит уровень насилия в обществе и не решит проблему терроризма, скорее наоборот. Общая институциональная логика профессии в случае легализации будет развиваться в сторону расширения практик насилия и эксплуатации риторики безопасности.

Заключение

В российском академическом дискурсе, к сожалению, все еще критически мало публикаций, посвященных проблемам моральности пыток. И это касается не только историко-философских реконструкций споров, но и статей, целью которых является сугубо аналитический обзор и конструктивный разбор имеющихся позиций. Выскажем осторожную надежду, что публикации на данную тематику начнут появляться и преодолению порог маргинальности.

Следует признать, что демарш знаменитого юриста Алана Дершовица – самое значительное событие последних десятилетий. И не только из-за обилия эфирного времени и объема публицистики, но скорее благодаря грамотно выстроенной аргументации и умелым риторическим приемам. Дебаты по вопросу об оправданности пыток казались завершенными и, в каком-то смысле, запрещенными. Дершовиц же со своей стороны честно признает, что тема пыток – чрезвычайно щекотливая, неудобная дискуссия как для академиков, так и для среднестатистической аудитории в любой стране.

Если спецслужбы используют пытки в штатном режиме, но либо откровенно скрывают факт их применения, либо же покрывают их наличие квазиправовыми обоснованиями, то это следует признать и вывести это знание в статус проблемы. Решение же такой проблемы может быть только одно – введение пыток в строго очерченное и контролируемое легальное поле. Выдача судебного ордера на пытки со строгим обоснованием их необходимости позволит нормализовать этот феномен и избежать эксцессов при осуществлении пыток.

Не все были впечатлены аргументацией Дершовица, хотя многие восприняли ее всерьез. Наиболее неубедительной критикой следует считать многочисленные претензии автору в нереалистичности многих мысленных экспериментов. Поскольку мысленные эксперименты чаще всего нельзя проверить, и они лишь косвенно сопрягаются с реальным положением, то все построения юриста рассыпаются.

Такую критику нельзя считать удачной, поскольку любые претензии к философскому инструментарию (мысленным экспериментам) обязывают критиков доказывать концептуальные ошибки методологии. Однако на практике критики опускаются до повторения избитой фразы вроде «этого не может быть, потому что этого не может быть». Философская методология на то и является инструментом, что при помощи некоторых мыслительных процедур философы пытаются заострить некую проблему, изолировать ненужные или не столь важные переменные; в конце концов оголить самую идею чего-либо, представив ее в идеальном сценарии.

Более серьезная критика касается институционализации и рутинизации пыток. В общем виде аргумент представляет паттерн «скользкой дорожки»: стоит лишь ввести пытку в качестве ординарной меры воздействия, и мы увидим, как возрастает толерантность людей к жестокости, а также расширяется пространство для манипуляций. Поскольку в основном все доказательства негативных эффектов от институционализации пыток строятся на существующих аналогиях, Дершовиц и его сторонники также могут апеллировать к эмпирической реальности. Они могут заявить, что поскольку мы никогда не пробовали ввести

пытку в правовое поле, говорить о каких-либо негативных эффектах преждевременно. Поэтому спор в данном ключе скорее упирается в образ желаемого общества, которое мы хотим видеть и к которому хотим стремиться. Если мы придерживаемся гуманистических ценностей, тогда у нас есть некоторые основания опасаться рутинизации и институционализации пыток. Однако стоит нам только встать на более технократические позиции и воспринимать социальные изменения сквозь призму эффективности, как проблема пыток приобретает менее претенительный оттенок.

Процедурные возражения пока кажутся наиболее перспективными, поскольку основываются не на возможных социальных последствиях, а на противоречиях потенциальной пыточной реформы. Такие противоречия касаются провозглашаемой цели пытки: мы не можем гарантировать, что эти цели будут достигаться (добыча информации). Но что более важно, мы не можем даже утверждать, что пытка окажется эффективным средством борьбы против международного терроризма. Однако если средство даже и близко не соответствует провозглашенной цели, у нас есть все основания избрать менее разрушительные и насильственные средства с идентичной результативностью.

Список литературы

- Бауман З.** Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- Brecher B.** *Torture and The Ticking Bomb*. L.: Willey-Blackwell, 2007. 132 p.
- Brecher B.** *Torture and its Apologists // Contemporary Debates in Applied Ethics*. L.: Willey-Blackwell, 2014. P. 260–273.
- Dershowitz A.** *Why Terrorism Works: Understanding the Threat, Responding to the Challenge*. Yale: Yale University Press, 2002. 288 p.
- de Wijze S., Beck S.** *Interrogating the ‘Ticking Bomb Scenario’: Reassessing the Thought Experiment in advance // The International Journal of Applied Philosophy*. 2015. Vol. 29. № 1. P. 53–70.
- Finlay C.** *Dirty Hands and the Romance of the Ticking Bomb Terrorist: a Humean Account // Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2011. Vol. 14. № 4. P. 421–422.
- Kleinig J.** *Torture and Political Morality // Politics and Morality*. L.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 209–227.
- Lauritzen P.** *Torture Warrants and Democratic States. Dirty Hands in an Age of Terror // Journal of Religious Ethics*. 2010. Vol. 38. № 1. P. 93–112.
- Luban D.** *Liberalism, Torture, and the Ticking Bomb // Virginia Law Review*. 2005. Vol. 91. P. 1425–1461.
- Shue H.** *Torture // Philosophy & Public Affairs*. 1978. Vol. 7. № 2. P. 124–143.
- Waldron J.** *Torture and Positive Law: Jurisprudence for the White House // Columbia Law Review*. 2005. Vol. 105. № 6. P. 1681–1750.

References

- Bauman Z.** *Liquid Modernity*. Saint-Petersburg: Piter, 2008. 240 p. (In Russian)

- Brecher B.** Torture and The Ticking Bomb. L.: Willey-Blackwell, 2007. 132 p.
- Brecher B.** Torture and its Apologists // Contemporary Debates in Applied Ethics. L.: Willey-Blackwell, 2014. P. 260–273.
- Dershowitz A.** Why Terrorism Works: Understanding the Threat, Responding to the Challenge. Yale: Yale University Press, 2002. 288 p.
- de Wijze S., Beck S.** Interrogating the ‘Ticking Bomb Scenario’: Reassessing the Thought Experiment in advance // The International Journal of Applied Philosophy. 2015. Vol. 29. № 1. P. 53–70.
- Finlay C.** Dirty Hands and the Romance of the Ticking Bomb Terrorist: a Humean Account // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2011. Vol. 14. № 4. P. 421–422.
- Kleinig J.** Torture and Political Morality // Politics and Morality. L.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 209–227.
- Lauritzen P.** Torture Warrants and Democratic States. Dirty Hands in an Age of Terror // Journal of Religious Ethics. 2010. Vol. 38. № 1. P. 93–112.
- Luban D.** Liberalism, Torture, and the Ticking Bomb // Virginia Law Review. 2005. Vol. 91. P. 1425–1461.
- Shue H.** Torture // Philosophy & Public Affairs. 1978. Vol. 7. № 2. P. 124–143.
- Waldron J.** Torture and Positive Law: Jurisprudence for the White House // Columbia Law Review. 2005. Vol. 105. № 6. P. 1681–1750.

Информация об авторе

Иван Иванович Дятлов,

младший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН
преподаватель, Специализированный научный центр НГУ

Information about the Author

Ivan I. Diatlov,

Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS
Lecturer, Specialized Educational Scientific Center of Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 30.10.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2024;
принята к публикации 7.02.2024*

*The article was submitted 30.10.2023; approved after reviewing 25.01.2024;
accepted for publication 7.02.2024*